Д.Г. Литинская

кандидат философских наук,
доцент РАНХиГС при Президенте РФ
litinskaya@inbox.ru

А.А. Кононова

магистрантка НИУ ВШЭ
annakononova1996@gmail.com

Р.Ю. Купчинов

клинический психолог,
преподаватель предвуниверсария МПГУ
wellephantus@gmail.com

ПОТЕРЯ СУБЪЕКТНОСТИ ПРИ ПЕРЕЖИВАНИИ ГОРЯ: ЖЕНЩИНА В МУЖСКОМ ПЛАТЬЕ*

Статья посвящена трансформации процесса горевания по умершим рассмотренной через призму значимых нарративов отечественной культуры при помощи психоаналитического инструментария. Рассмотрены особенности культурных норм, сопутствующих проживанию горевания, некоторые «аномальные» сценарии горевания, а так же, в частности, их взаимосвязь с потерей субъектности женщинами при переживании меланхолии. В результате анализа ряда близких культурных сюжетов характерных для отечественной культуры разных периодов показано, что потеря субъектности, потеря женщиной своего Я связывается с невозможностью перенести горечь утраты, сохранив при этом целостность психики, при чем появляется уникальный трансформационный объект – одежда покойного. На основе анализа предлагается ряд этических вопросов, связанных со сферой морального, отражающих насущные проблемы в психотерапевтической деятельности.

Ключевые слова: субъектность, потеря субъектности, трансформация субъектности, меланхолия, работа горя, страта вдовы, трансформационный объект, моральное

In this article, with the help of psychoanalytical tools, the process of transformation of mourning the dead is reviewed through the prism of relative narratives within the native culture. Cultural norms, relevant to the process of mourning, some “anomalies” within the scenario of mourning, in particular their connection with females’ loss of subjectivity while experiencing melancholy are reviewed. As a result of analysis of several relevant cultural plots from different historical periods, it is demonstrated, that the loss of subjectivity, females’ loss of “Ego” is linked to the inability to put up with bitterness of loss, without maintaining the integrity of mind. It is also shown, that in this process a unique transformational object, clothes of the lost one, does appear. Based on the aforementioned analysis, several ethical questions, relevant for psychotherapeutic process, regarding the sphere of death are raised.

Keywords: subjectivity, loss of subjectivity, agency, transformation of subjectivity, melancholy, grief work, widow strata, transformational object, mortality

Есть разные способы говорения о смерти и горевания по умершему как в культуре в целом, так и в применении к психотерапии состояний, связанных с гореванием. Работы, публикуемые в рамках современных гуманитарных подходов, рассматривают либо исключительно ритуалы и практики, связанные с переживанием утраты (см., например: [Мохов, Зотова, 2017 с. 22-24]), или исключительно практики «лечения» горя и связанных с ним реактивных расстройств (см., например: [Иванюшина, 2015 с. 169-170; Магомед-Эминов, 2009, с. 111-112]). Не отрицая большую ценность

© Литинская Д.Г., Кононова А.А., Купчинов Р.Ю., 2019

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-013-00780 А «Субъектность как детерминанта самоповреждающего поведения в современной культуре: междисциплинарный подход»

J.G. Litinskaya, A.A. Kononova, R.Yu. Kupchinov

Loss of agency while experiencing grief: a woman in a man's dress

названных дискурсов, нельзя не отметить, что при этом игнорируется важнейшая часть, связанная с переживанием горя утраты – культурная специфичность этого переживания, идущая от нарративов культуры, но проникающая в глубинные сферы, заставляющая переживания трансформироваться в нечто гораздо более сложное, в т.ч. в утрату и/или трансформацию субъектности и новое обретение себя горюющим.

Одна из ключевых проблем горевания по умершим – репликация смерти: уходит не только умирающий, но и его близкие, которые, не имея возможности справиться с утратой, выпадают из социальной жизни, болеют (как психически, так и психосоматически) вплоть до летального исхода или же совершают самоубийство. Данная тема считается столь сложной и табуированной, что в современной психологической науке ей уделено незаслуженно мало места. Переживание смерти актуализирует глубинные культурные сюжеты, обуславливающие сюжеты личные, поэтому анализ горевания как феномена в современном мире невозможен без анализа аналогичных феноменов во временной перспективе.

Тему трансформации субъектности под влиянием работы горя как в норме, так и аномально, невозможно рассматривать излишне широко и обще – нужно учитывать как специфику конкретной культуры (в нашем случае – отечественную), а также конкретные страты (в нашем случае – путь вдовы). Кроме этого важен тонкий, позволяющий учесть всю специфику обсуждаемого материала инструментарий, поэтому выбранная нами методология строится на психоанализе культуры и культурно-историческом представлении о субъектности. Кроме этого надо понимать, что делая ретроспективный анализ определенного нарратива, невозможно обойтись без некоторой герменевтической работы с текстами, содержащими этот нарратив и его описание.

Предмет нашего рассмотрения – специфическая трансформация субъектности в процессе горевания – в столкновении со сферой мортального человек не может в полной мере притворяться, горе в этом смысле становится индикатором глубинных процессов, их экспликатором. Субъектность, если понимать ее как способность к самотрансформации и трансформации мира вокруг себя, достаточно трудноуловима. Следуя мысли С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн, 1976], можно сказать, что субъектность неразрывно связана с концепцией жизненного пути, и только в процессе жизни (ее конструирования самим человеком и в решениях задач, поставленных внешними обстоятельствами) субъектность становится доступна наблюдению. Традиционно субъектность рассматривают в аспекте ее становления (см., например: [Огнев, Лихачева, 2014 с. 53–66; Шабельников, 2018]), реализации в профессиональной сфере (см. например: [Глазачев и др., 2018 с. 40–43]), реже – потери (в этом случае речь идет о клинических исследованиях, и субъектность в них понимается преимущественно инструментально, как агентность (agency) – способность быть автором своих действий, отвечать за них: «...понятие психиатрической нормы не имеет никаких коннотаций, способных вменить больному ответственность за свое состояние: болезнь не рассматривается как нечто, за что человек отвечает, она – следствие схождения многих естественных факторов и причин» [Воробьева 2010, с. 11]). Анализ жизненной траектории позволяет обнаружить субъектность в переживании определенных событий (и сопряженных с ними традиций), в ходе которых человек реализует подлинность своего бытия. При этом, зачастую, именно они не попадают в фокус научного рассмотрения как трансформация и/или потеря субъектности в процессе горевания.

Даже в случае «нормального горевания» человек во многом выпадает из мира, но не полностью и не навсегда (считается, что для работы горя нужен год-два), в некоторых же случаях мы сталкиваемся с явлением, которое Фрейд называл меланхолией: «Меланхолик показывает нам еще одну особенность, которой нет при печали, – необыкновенное понижение своего самочувствия, огромное обеднение «я». При печали обеднел и опустел мир, при меланхолии – само «я». Больной рисует нам свое «я» недостойным, ни к чему негодным, заслуживающим морального осуждения, – он делает себе упреки, бранит себя и ждет отвержения и наказания. Он унижает себя перед каждым человеком, жалеет каждого из своих близких, что тот связан с такой недостойной личностью.

Д.Г. Литинская, А.А. Кононова, Р.Ю. Купчинов

Потеря субъектности при переживании горя: женщина в мужском платье

У него нет представления о происшедшей с ним перемене, и он распространяет свою самокритику и на прошлое; он утверждает, что никогда не был лучше. Эта картина преимущественно морального бреда преуменьшения дополняется бессонницей, отказом от пищи и в психологическом отношении очень замечательным преодолением влечения, которое заставляет все живущее цепляться за жизнь.» [Фрейд, 1998, с. 211-231]. Резюмируя, можно сказать, что *при переживании горя утраты рушится мир человека, при меланхолии разрушается он сам, его субъектность*. Именно эта максима станет центральной для нашего изыскания, при всей ее кажущейся понятности нуждается в некотором пояснении. З. Фрейд пишет: «Теперь анализ меланхолии показывает нам, что «я» может себя убить только тогда, если благодаря обращению привязанности объектам на себя, оно относится к себе самому как к объекту, если но может направить против себя враждебность, относящуюся к объекту и заменяющую первоначальную реакцию «я», к объектам внешнего мира... » [Фрейд, 1998, с. 231], именно это положение проясняет происходящее в ситуации меланхолии, которая рождается тогда, когда объект потерянной любви сливается с Я (подробно это процесс разбирает, например, В. Руднев в работе «Введение в анализ депрессии» [Руднев, 2001]), тогда человек может, например, утверждать, что это он умер: нередко на похоронах, особенно в случае внезапной гибели молодых людей, можно слышать не причитания «на кого ты меня покинул/а», а «я умер/ла вместе с тобой». Примером подобного переживания горя может служить история Ксении Григорьевны Петровой, впоследствии канонизированной РПЦ как юродивая Ксения Петербургская. «Ксения начала юродствовать после смерти горячо любимого мужа – раздала все имущество, надела костюм супруга, стала бегать по Петербургу, называть себя Андреем Федоровичем, то есть мужниным именем, и уверять всех, будто он вовсе не умирал, а умерла его супруга Ксения» [Ростова, 2007, с. 106] – мы видим ровно то, что описывает Фрейд: объект потери оказывается «сильнее», чем Я, его потеря непереносима вовсе – легче потерять себя, слиться с объектом, прожить жизнь за него.

Мы видим подтверждение этого положения Фрейда в трех вариантах:

1) в виде вербальной декларации, которая высказывается в момент кульминации горевания – это высказывание «без тебя меня нет!» в момент прощания с телом, возглас – «ты же нас всех убил!» на похоронах самоубийц и т. д.;

2) в виде активной деятельности: остаток жизни проживается, по сути, жизнью ушедшего. Так после самоубийства психиатра Виктора Хрисанфовича Кандинского его вдова, Елизавета Карловна Фреймут-Кандинская, занималась лишь его наследием, добровольно уйдя из жизни, когда вышли в свет работы «О псевдогаллюцинациях. Критико-клинический этюд» и «К вопросу о невменяемости». Более распространенным вариантом деятельной меланхолии является поддержание ландшафта жизни – обстановка значимых для умершего мест сохраняется неизменной;

3) в виде полного отрицания произошедшего, чаще выглядит как психоз – попытки остановить похороны, заявления, что человек жив («Что вы делаете?! Живого хороните?!»), или как теория заговора – идеи, что похоронили не того или пустой гроб, что человек жив и где-то скрывается.

Любой из этих способов переживания горя вполне может дойти до того уровня, когда необходимо будет констатировать психоз. Три варианта психотической реакции на горе утраты в современной нам реальности российской глубинки, с уходом в галлюцинаторную реальность, прекрасно проиллюстрированы фильмом Сигарева «Жить» – ребенок, узнав о смерти отца, полностью погружается в галлюцинаторную психотическую реальность, где отец жив; молодая, внезапно овдовевшая, женщина пытается покончить с собой, но успокаивается и находит в себе силы жить, столкнувшись с галлюцинаторным образом своего погибшего возлюбленного; мать, потерявшая детей в автокатастрофе, выкрадывает их тела с кладбища, обращается в своей галлюцинаторной реальности с ними как с живыми, но принцип реальности побеждает, и ситуация заканчивается трагически – с точки зрения психолога, работающего со сферой смертного, описания очень достоверные.

J.G. Litinskaya, A.A. Kononova, R.Yu. Kupchinov

Loss of agency while experiencing grief: a woman in a man's dress

Важно, что и в нашем примере жизнеописания Ксении Петербургской речь идет о том, что в медицинском дискурсе было бы трактовано не иначе как психоз, так как не учитывается возможность сакрального действия, но потеря субъектности не его следствие, не констатация снятия ответственности с психотика. Напротив, симптомы, могущие быть трактованы как психоз – это следствие потери субъектности, которая, в свою очередь, становится следствием предшествующих бытийных выборов. То есть то, что согласно Л.И. Воробьевой и должно быть целью психотерапии (в том числе травмы утраты): «Сделать человека субъектом, а не объектом болезни, как ни парадоксально это звучит, – цель психотерапевтического дискурса. А поскольку это так, то это уже не “естественный” процесс: пациент включается в него именно как человек: субъектно, самостно, сущностно, авторски, а значит, ответственно. Следовательно, о естественной каузальности в этом процессе не приходится говорить. Он направляется не естественной цепочкой причин и следствий, устранять которые технологически научен врач, а из будущего – представлением о благе – идеалом, ценностью, формой, не каузально, а интенционально» [Воробьева, 2010, с. 11-12]. А раз за поведением «психотика» стоит осознанная интенция – правомерно ли говорить о психозе? Скорее наличие интенции доказывает субъектность поведения нашей героини, хотя в рамках традиционного медицинского дискурса, по описанию следовало бы сделать вывод о том, что у Ксении Петербургской как раз классический реактивный психоз – с дереализацией, деперсонализацией, возможно, галлюцинаторным или иллюзорным мировосприятием, с бредообразованием.

Некоторые авторы не без оснований полагают, что феномен подобного «бредового» восприятия реальности имеет природу не собственно психотическую, а сходную с механизмом воздействия трансформационного объекта, что и приводит к значительному изменению видения себя и окружающего мира [Дмитриева и др., 2015]. С другой стороны, это может напоминать и синдром Котара, когда больной утверждает, что он уже мертв. Принципиальная разница в том, что больные с синдромом Котара просто страдают¹, тогда как в описываемых нами примерах переживания потерь ощущение себя мертвым наполнено глубоким смыслом, и именно поэтому необходимо признание этого факта со стороны близких и/или лиц, наделенных сакральной властью (так, героиня фильма Сигарева требует у священника, чтобы он отпел ее, а Ксения Григорьевна перестает отзываться на свое имя, принимать под ним исповедь и причастие). Но в случае Ксении Григорьевны Петровой описанная трансформация имела дополнительный сакральный смысл – отмолить душу покойного супруга, который был грешен. Однако это объяснение страдает некоторой избыточностью – искупление чужих грехов предполагает определенное ритуальное поведение (посещение и оплата определенных богослужений, уход в монастырь), но не «превращение» в покойного, которое изначально должно было крайне фразировать близких и затруднять им работу горя. Причем, согласно легендариям, решение было принято очень быстро – в мужниной одежде она вышла в день похорон. Это очень важно в свете рассматриваемой нами версии фактического описания фрейдовской меланхолии: она принимает мгновенное решение – стать той Ксенией, которая хоронит своего мужа, видит отпевание, гроб, свежий могильный холм и прощается, для нее невозможно. Таким образом, в биографии Ксении точно прослеживается момент, когда субъектность была утеряна, разрушена – психика неспособна предоставить ей ресурс, необходимый для того, чтобы участвовать в похоронном обряде, совершить действия поминовения. «Жизнеописание Ксении Петербургской, <...> также отчетливо показывает нам юродивого как человека обратной перспективы. В нем женщина объявляет себя мужчиной, живой утверждает, что он умер. А тот, кто умер, жив» [Ростова, 2007, с. 106], пишет исследователь феномена юродства Н.Н. Ростова.

¹ Тут важно отметить разницу между психиатрическим и психоаналитическим пониманием меланхолии Н.И. Куценко, С.А. Майер пишут об инволюционной «меланхолии», что чаще – это поздняя шизофрения, по сути не лечась. Тем не менее может это не такие уж разные вещи: «Чаще начинается после провокаций – истинных психотравмирующих ситуаций, одиночества; псевдопсихогений <...> преобладают депрессивные приступы, в структуре которых выражены тревога, ажитация, синдром Котара...» [Куценко, Майер, 2011, с.101]. Можно предположить, что какое-то количество случаев т.н. «аффективных психозов» может оказаться фрейдовской меланхолией, начавшейся после потери близкого, правда можно ли будет ли разобраться в этом после того, как пожилые пациенты получали нейролептики – неизвестно.

Д.Г. Литинская, А.А. Кононова, Р.Ю. Купчинов

Потеря субъектности при переживании горя: женщина в мужском платье

Важно как процесс трансформации отображен в иконографии блаженной Ксении, поскольку нас интересуют не богословские и философские аспекты юродства, а отражение определенных процессов в культурном поле. Ксения Петербургская изображается в бедной, но очевидно *женской* одежде красного и зеленого цветов, поскольку она ходила в мундире своего покойного супруга именно этих цветов. Таким образом, работает не обратная перспектива, а инверсия: Ксения остается и женщиной, и живой. Но добровольные страдания длиной во всю жизнь (а мы понимаем, что страта юродивого это в том числе физические страдания) она переносит под личиной своего мужа, интроицирует утраченный объект и отождествляя себя с ним, по факту обвиняя его в том, что он не достаточно хороший христианин, доживает его жизнь как он – Андрей Федорович, но уже христианин достаточно хороший, максимально Христу подражающий.

Тут нужно обратиться и к трактовке юродства в современной богословской философии: «На первый взгляд, поведение юродивого может показаться нелепым, неловким, чудным, неправильным, случайным, ошибочным. Можно подумать, будто бы перед нами взрослый ребенок, то есть взрослый, который не повзрослел, но так и остался наивным, инфантильным, не умеющим вести себя в обществе, которое любит нормы. Но, наблюдая за юродивым, мы обнаруживаем, что его поведение, кричащее на общем фоне, вовсе не случайно и не ошибочно. Юродивый нарушает правила порядка систематично, упорно, настойчиво, и более того, – сознательно. Это не есть результат доминирования бессознательного в личности. Юродивый не шизофреник и не невротик, не недоразвитый субъект со слабым мышлением. Влияние бессознательного на его поведение, в отличие от обычного человека, сведено к минимуму. <...> Юродивый являет собой иное видение мира, противоположное тому, которое принято в обществе. Юродивый – не тот, кто что-то недопонял, недоразвил в себе какие-то способности, не недоделанная личность, но тот, кто видит мир иначе и строит поведение в горизонте этого видения» [Ростова, 2007, с. 106]. Собственно и мы ничего конкретного не утверждаем про Ксению Петербургскую, так как о ее реальной биографии известно очень мало, преимущественно то, что уже описано в данной статье. Возможно, такой выбор горевания был продиктован не тем, что спустя век после ее смерти Зигмунд Фрейд описал как меланхолию, а действительно сверхсознанным духовным выбором. Но бесконечная популярность этой святой, приведшая к поздней канонизации (в 1988 году) отражает определенные чаянья людей, понятность такой, казалось бы, нелогичной, развивающейся в обратной перспективе биографии.

Возможно, эта популярность связана с трансформационной ролью мужской одежды и/или мужского типа поведения², характерной для русской культуры с весьма ранних времен, например, для женщин-героинь русского былинного эпоса: «В результате соревнований и испытаний герой меняет свой статус. То же, в широком смысле, можно сказать и о героинях. Разница в том, что в зависимости от типа версии образа героиней обретается или желанный статус (материнство и, следовательно, жизнь), либо – нежелаемый статус (смерть)» [Мадлевская, 2000, с. 12]. Большинство героинь идут из смерти в жизнь, так как место их изначального обитания имеет признаки мира потустороннего, одеты они в мужское для полевания – поисков в поле поединщиков (женихов), что в целом может прочитываться как нахождение на границе между тем миром и этим, при этом все они изначально пребывают в статусе девицы, ищущей себе мужа.

Но существует и традиционный нарратив жены, переодевающейся в мужское. Пример такой «жены в мужском» – Василиса Микулишна. Когда ее муж Ставр (который сам больше купец, чем богатырь, судя по описанию его поведения при княжьем дворе) попадает в «подвалы» киевского князя (в некотором смысле метафора могилы), она переодевается в мужское и, доказав свою тождественность мужчинам в испытаниях (от силы, ловкости и ума, до парения в бане), а также получив главную мужскую награду – невесту княжьего рода, может спасти своего мужа (подробнее см. [Мадлевская, 2000]).

² В этом смысле для вдовы Кандинского трансформационным объектом служила *мужская* работа Виктора Хрисанфовича – работа врача, автора исследований, которую надо было довести до конца.

J.G. Litinskaya, A.A. Kononova, R.Yu. Kupchinov

Loss of agency while experiencing grief: a woman in a man's dress

Если поляницы-девы носят свое собственное мужское одеяние, то Василиса Микулишна, как и Ксения Петербургская, носит одежду своего мужа. При этом их мотивация идентична – они должны перенести своих мужей из одного мира в другой, не в уже недоступный мир живых, а в мир потусторонний, но лучший (Ксения Григорьевна отмаливает душу своего мужа, что должно помочь ему пройти путь в рай, Василиса Микулишна забирает Ставра из застенков князя киевского в свой потусторонний мир – в поздних источниках фигурирует Новгород, но в более ранних они возвращаются в ее владения, так или иначе маркированные как потусторонний мир [Мадлевская, 2000, с. 12]. Таким образом, именно мужская одежда – точнее, одежда мужа – становится для вдов трансформационным объектом, о котором нужно поговорить чуть подробнее.

К. Боллас [Bollas, 1979] под трансформационным объектом имеет в виду довольно широкую категорию предметов, в том числе и психоаналитика, но не только: «К. Боллас говорит о том, что переходный объект также является трансформационным объектом, поскольку позволяет преодолеть состояние дезинтеграции и обрести переживание цельности бытия и непрерывности опыта посредством изменения внутренней реальности субъекта. К. Боллас пишет, что “Личность ищет трансформационные объекты для того, чтобы достичь симметрии с окружающим миром”, – пишет К. Боллас. Удовольствие, сопровождающее взаимодействие индивида с подобными объектами, означает восстановление целостности самости, опосредованное переживанием тождества» [Рассади́на, 2009, с. 234]. Можно сказать, что страдающие от меланхолии жены при помощи поддержания иллюзии существования утраченного объекта поддерживают свое домеланхолическое существование – избавляются от страдания, но при этом избавляются и от жизни (Андрей Федорович не умирал – умерла его супруга Ксения). Однако переживание тождества со своим утраченным любимым дает и восстановление некоторой, пусть и иллюзорной, самости и очевидное удовольствие. Кроме того, это возвращение субъектности – она уже не страдающий объект, с которым произошло нечто страшное, который теперь плывет по ритуалам, положенным вдовствующей, а после снова станет объектом на брачном рынке. Она субъект, автор своего собственного текста, свехоригинального, так как теперь он может обладать любой причудливостью. Таким образом, выбор для вдовы лежит между окаменением горя, когда мир рушится, и ты остаешься в статике в пустоте или, психозом меланхолии, когда не остается тебя самой, но остается мир и возможность движения. В некотором смысле это путь между двумя типами умирания. Смерть супруга как бы отменяет либидо, и вдова остается только с мортидо.

Отметим, что такой сценарий горевания не предписывался мужчинам. В этом проявляется бинарность, характерный раскол, проходящий по всем структурам личности: Оно разрывается в разнонаправленных силах: либидо – влечении к жизни и мортидо – влечении к разрушению, которое при том служит утверждению себя; Я делится в формировании от материнского – кормящего и принимающего и отцовского (имя отца у Лакана) – требующего соблюдения правил; Сверх-Я разделено на совесть и эго-идеал, делящих между собой вину и жажду признания. Мужскому началу скорее характерно мортидо (путь воина), отцовское (утверждение правил), эго-идеал (добыча славы и признания), женскому – либидо (продолжение жизни и жизни рода), материнское (требующее безусловной всепрощающей любви). Сейчас, следуя за Лиотаром [Lyotard, 1979], можно сказать, что тот метанарратив, в который укладывались истории Василисы Микулишны и Ксении Петербургской, и такое специфическое разделение мужского и женского, преодолен. Собственно, констатация не бинарного, выбираемого гендера, очевидно, поставил точку на абсолютной власти полоролевых бинарных позиций. Но «невротический хвост» в культуре все еще остается³.

³ Важно, что мы точно знаем, что эта бинарность не исходна. В античности ее не было, так как мифы о происхождении скульптуры и происхождении рисунка абсолютно симметричны: Пигмалион сотворил Галатею, а дочь Дибутада обвела тень своего возлюбленного, уходящего на войну. Ж. Стробинский утверждает, что «в рассматриваемом случае скульптура рождается из желания перенаправленного, отсроченного, перенесенного на другой объект: это желание, которое стремится получить удовлетворение, не опасаясь натолкнуться на чужое встречное желание» [Starobinski, 2012, с. 457]. Соглашаясь с ним, мы все же отметим, что куда важнее здесь идея возможности при помощи искусства обрести невозможное в реальности вне зависимости от причин (несовершенство всех женщин для Пигмалиона, физическая разлука для Филии) – для наших героинь единственным возможным холстом становятся они сами.

Д.Г. Литинская, А.А. Кононова, Р.Ю. Купчинов

Потеря субъектности при переживании горя: женщина в мужском платье

Структура мортального ныне претерпевает изменения: таких ярких примеров, как Ксения Петербургская, уже не встретить, гораздо чаще то, что происходит с горящей женщиной, остается за пределами внимания социума. Анализ работ, посвященных исследованию мортальности, за последние 3-5 лет позволяет сделать вывод, что традиционно эту сферу рассматривают дискретно: осмысление смерти в различных культурах, идеи о посмертии и отношение к посмертию (см., например, [Heintzelman, 2016]), особенности похоронных обрядов (см., например: [Jalilifar, 2014]), сценарии горевания (см., например: [Eisma, 1918]) и многие другие сегменты этого поля исследовались отдельно друг от друга. Тем не менее, есть несколько точек соприкосновения, общих для каждого сегмента, которые можно обнаружить только рассматривая мортальность как целое.

Мортальные установки, принятые в локальной культуре, обуславливают процессы всей психической жизни человека. Они влияют на пути, которыми люди выходят из острой фазы горевания, сопровождающейся психотическими явлениями, в первую очередь галлюцинациями, вызванными смертью близкого, а также на то, происходит ли этот выход вообще. Например, героиня неоднократно нами упомянутого фильма Василия Сигарева «Жить» выбирается из галлюцинаторной реальности через фантазии, по фабуле продолжающие галлюцинации.

Понятие фантазирования является одним из важнейших как в теории З. Фрейда, так и у Л.С. Выготского: «Как показали эти исследования, всякая наша эмоция имеет не только телесное выражение, но и выражение душевное, как говорят психологи этой школы, иначе говоря, всякое чувство “воплощается, фиксируется в какой-либо идее, как это лучше всего видно при бреде преследования”, – говорит Рибо. Эмоция выражается, следовательно, не столько в мимических, пантомимических, секреторных, соматических реакциях нашего организма, но она нуждается в известном выражении посредством нашей фантазии» [Выготский, 2014, с. 239]. В фантазировании концентрируется момент обретения субъектности. Мы видим, что она может быть вновь обретена при определенных условиях. В примере же Ксении Петербургской принципиальную гносеологическую роль играет не обретение субъектности вновь, чего и не произошло, но возможность ее фиксации – если субъектность была потеряна, значит, до этого субъект ею обладал.

Итак, трансформация в итоге такова – в меланхолии женщина часто теряет полноту своей субъектности, обретаемую в парном бытии. При этом остаться со «своей половиной» кажется невозможным, поскольку именно там сосредоточен потенциал вины, а либидо как энергия, направленная на продолжение рода, теряет свой потенциал. Играет свою роль и зеркальная обращенность в традиционном нарративе этого мира и загробного: «Два мира – потусторонний и посюсторонний видят друг друга как бы в зеркальном отображении. В частности, движение “обратным следом” или “задом наперед” является универсальным мифологическим мотивом. С ним связан запрет оборачиваться при возвращении с кладбища» [Бутов, 2018]. Женщине же, одевшейся в мужское, не надо оборачиваться, возвращаясь с кладбища, она там не была, она отражается от барьера смерти, не переживая горе, а умирая и возрождаясь другим человеком.

Такая жесткая трансформация в современном мире будет считаться психотической, что скорее всего приведет к госпитализации (с большой вероятностью недобровольной), но будет ли при такой ситуации медикаментозное лечение эффективным – вопрос, который имеет множество аспектов. Первый – этический: имеет ли право человек на выбор такой радикальной трансформации? Общество в его современном состоянии не может принять подобный отказ от субъектности, но если для человека он преисполнен духовного содержания, можем ли мы, применяя то, что М. Фуко именовал психиатрической властью [Foucault, 2003], лишать человека права на реализацию своих глубинных потребностей в такой трансформации? Насколько мы это делаем исходя из интересов горящего, а насколько из соображений собственного удобства? Второй важный вопрос – можем ли мы вернуть человеку субъектность (разумеется, не его «старую» утерянную субъектность, а категорию как таковую), если он осознанно от нее отказался? Если она была именно утеряна в результате невозможности перенести боль утраты – ответ «да», но можно ли «терапевтически»

J.G. Litinskaya, A.A. Kononova, R.Yu. Kupchinov

Loss of agency while experiencing grief: a woman in a man's dress

атаковать осознанный выбор человека – вопрос, на который этические советы большинства психотерапевтических ассоциаций дадут однозначный ответ «нет».

Процесс горевания по близкому человеку очень сложен, особенно в мире, где традиции взаимодействия со сферой смертного стали малоэкссплицированы и весьма разнообразны. Приведенный нами анализ культурных феноменов должен помочь в понимании различия женского и мужского в процессах горевания, понимании трансформации субъектности в этом процессе, патологической или целительной работы фантазии в этих процессах (а значит, и облегчить задачу по работе с острым горем психологам и психотерапевтам). Для разработки комплексных теоретических подходов, которые бы не теряли ни личный, ни культурный компонент горевания, принятия себя, субъектности в столкновении со сферой смертного, очевидно, актуально обращаться к психоанализу культуры. Идея трансформационного объекта в этом случае обретает новый потенциал для понимания сложной феноменологии смерти и смертности в культуре.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

Жить (2012, реж. В.В. Сигарев, Россия), игр.

ИСТОЧНИКИ

1. Бумов И.С. Шиворот-навыворот: мотив переворачивания при встрече с лешим // URL: <https://www.ufo-com.net/publications/art-7338-shivorot-na-vivorot.html> (дата последнего обращения: 19. 07. 2018).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева Л.И. Феномен субъектности в культурно-исторической перспективе // Вопросы психологии. 2010. № 6. – С. 3-13.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. – Москва: Директ-Медиа, 2014.
3. Глазачев С.Н., Кашлев С.С., Соколова Н.И. Субъектность педагога как культуросообразная потребность общества. // Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 1. – С. 40-45.
4. Дмитриева Н.В., Короленко Ц.П., Антонова В.В. Синдром бредового восприятия в норме и патологии // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. 2015. №9-10 (19). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/2632> (дата последнего обращения: 19. 07. 2018).
5. Иванюшина П.В. Психологическая помощь как основа трансформации личности в ситуации горя утраты // Теория и практика общественного развития. 2015. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-pomosch-kak-osnova-transformatsii-lichnosti-v-situatsii-gorya-utraty> (дата обращения: 21.07.2019).
6. Кириллова О.А. Мортальный кинокод и возможности танатологии кино. // Новое литературное обозрение. 2014. №6 (130). – С. 74-87.
7. Куценко Н.И., Майер С.А. Некоторые особенности континуального варианта течения аффективных психозов // Тюменский медицинский журнал. 2011. №3-4. – С. 101-102.
8. Магомед-Эминов М.Ш. Возвращение самоидентичности личности при горе: авторский постмодернистский подход // Развитие личности. 2009. №1. – С. 110b-120.
9. Мадлевская Е.Л. Героиня-воительница в эпических жанрах русского фольклора: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.09. – Санкт-Петербург, 2000.
10. Мохов С.В., Зотова В.А. Дело об ограде, столике и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище // Журнал исследований социальной политики. 2017. №1. – С. 21-36.
11. Огнев А.С., Лихачева Э.В. Практика внедрения позитивно-ориентированного субъектогенеза в систему высшего образования // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. 2014. Т. 11. № 2. – С. 51-67.
12. Рассадина С.А. Онтогенез способности к удовольствию как предмет междисциплинарного исследования // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2009. №1. – С. 230-236.

Потеря субъектности при переживании горя: женщина в мужском платье

13. Ростова Н.Н. Человек обратной перспективы как философско-антропологический тип (Исследование феномена юродства) // Вестник ТГПУ. 2007. №11. – С. 105-107.
14. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // С.Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. Москва, Педагогика, 1976.
15. Руднев В.П. Введение в анализ депрессии // Логос. № 5-6. 2001 (31). – С. 15-35.
16. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: сборник. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998.
17. Шабельников В.К. Проблема субъектности в логике культурно-исторического подхода. // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 57. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n57/1527-shabelnikov57.html> (дата последнего обращения: 19. 07. 2018).
18. Bollas C. "The transformational object" // International Journal of Psycho-Analysis. 1979. V. 60. – P. 103–104.
19. Eisma M.C. Public stigma of prolonged grief disorder: An experimental study // Psychiatry Research, 2018, V. 261. P. 173-177.
20. Foucault P.-M. Le Pouvoir psychiatrique. – Paris: Gallimard, 2003.
21. Heintzelman S.J., Trent J., King L.A. How would the self be remembered? Evidence for posthumous self-verification // Journal of Research in Personality, 2016. V. 61. – Pp. 1-10.
22. Jalilifar A.R., Varnaseri M., Saidian S., Khazaie S. An Investigation into the Genre Features of Funeral Announcements: People's View in Social Communications in Focus // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. V. 98. – P. 747-756.
23. Lyotard J.-Fr. La condition postmoderne: rapport sur le savoir. – Paris: Minuit, 1979.
24. Starobinski J. L'encre de la mélancolie. – Paris: Éditions du Seuil, 2012.

SOURCES

1. Butov I.S. *Shyvorot-navyvorot: motiv perevorachivaniya pri vstreche s Leshim* [Butov I.S. Topsy-turvy: the motive of inverting while meeting with Leshy]. URL: <https://www.ufo-com.net/publications/art-7338-shivorot-na-vivorot.html> (date of last appeal: 19. 07. 2018).

REFERENCES

1. Bollas C. *The transformational object*. In *International Journal of Psycho-Analysis*. 1979. V. 60. Pp. 103-104.
2. Dmitrieva N.V., Korolenko C.P., Antonova V.V. *Sindrom bredovogo vospriyatiya v norme i patologii* [Delusional perception syndrome in normality and pathology]. In *Universum: psihologiya i obrazovanie: elektron. nauchn. zhurn.* [Universum: Psychology and Education: an electronic scientific journal]. 2015. #9-10 (19). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/2632> (date of last appeal: 19. 07. 2018).
3. Eisma M.C. *Public stigma of prolonged grief disorder: An experimental study*. In *Psychiatry Research*. 2018. V. 261. Pp. 173-177.
4. Foucault P.-M. *Le Pouvoir psychiatrique*. Paris, Gallimard, 2003.
5. Frejd Z. *Pechal' i melanholiya* [Mourning and Melancholy]. In *Osnovnye psihologicheskie teorii v psihoanalize. Ocherk istorii psihoanaliza: sbornik* [Basic psychological theories in psychoanalysis. Essay on the history of psychoanalysis: collected papers]. Saint Petersburg, Aleteya, 1998.
6. Glazachev S.N., Kashlev S.S., Sokolova N.I. *Sub'ektnost' pedagoga kak kul'turosoobraznaya potrebnost' obshchestva* [Teacher's subjectivity as a cultural conformity demand of a society]. In *Vestnik Rossijskogo Universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika* [RUDN University Bulletin. Series: Psychology and Pedagogy]. 2018. Vol. 15. #1. Pp. 40-45.
7. Heintzelman S.J., Trent J., King L.A. *How would the self be remembered? Evidence for posthumous self-verification*. In *Journal of Research in Personality*. 2016. V. 61. Pp. 1-10.
8. Ivanyushina P.V. *Psihologicheskaya pomoshch' kak osnova transformacii lichnosti v situacii gorya utraty* [Psychological counseling as a basis of transformation (changing) of personality in case of bereavement]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2015. #15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-pomosch-kak-osnova-transformatsii-lichnosti-v-situatsii-gorya-utraty> (date of last appeal: 21.07.2019).
9. Jalilifar A.R., Varnaseri M., Saidian S., Khazaie S. *An Investigation into the Genre Features of Funeral Announcements: People's View in Social Communications in Focus*. In *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2014. V. 98. Pp. 747-756.
10. Kirillova O.A. *Mortal'nyj kinokod i vozmozhnosti tanatologii kino* [Mortal Cinematic Code in 'Decadent Patterns' of Film]. In *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 2014. #6 (130). Pp. 74-87.
11. Kucenko N.I., Majer S.A. *Nekotorye osobennosti kontinual'nogo varianta techeniya affektivnyh psihozov* [Some features of the continuous type of affective disorder]. In *Tyumenskij medicinskij zhurnal* [Tyumen Medical Journal]. 2011. #3-4. Pp. 101-102.

J.G. Litinskaya, A.A. Kononova, R.Yu. Kupchinov

Loss of agency while experiencing grief: a woman in a man's dress

12. Lyotard J.-Fr. *La condition postmoderne: rapport sur le savoir*. Paris, Minuit, 1979.
13. Madlevskaya E.L. *Geroinya-voitel'nica v epicheskikh zhanrah russkogo fol'klora: dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.09*. [The warrior-heroine in the epic genres of Russian folklore: a dissertation for seeking the Candidate of Philological Sciences academic degree: nomenclature of speciality 10.01.09.]. Saint Petersburg, 2000.
14. Magomed-Eminov M.Sh. *Vozvrashchenie samoidentichnosti lichnosti pri gore: avtorskiy postmodernistskiy podhod* [Personal self-identity recursiveness while experiencing grief: author's postmodernist approach] In *Razvitie lichnosti* [Development of personality]. 2009. #1. Pp. 110b-120.
15. Mohov S.V., Zotova V.A. *Delo ob ograde, stolike i skam'e: rezhimy spravedlivosti v praktikah raspredeleniya mest na kladbishche* [The case of the fence, table and bench: orders of worth in the allocation of places within a cemetery] In *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. 2017. #1. Pp. 21-36.
16. Ognev A.S., Lihacheva E.V. *Praktika vnedreniya pozitivno-orientirovannogo sub"ektogeneza v sistemu vysshego obrazovaniya* [Implementation of Positive Subjectivity Genesis in Higher Education System]. In *Psihologiya. Zhurnal Vysshej SHkoly Ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2014. Vol. 11. #2. S. 51-67.
17. Rassadina S.A. *Ontogenez sposobnosti k udovol'stviyu kak predmet mezhdisciplinarnogo issledovaniya* [Ontogenesis of Pleasure Experience as a Subject of Interdisciplinary Study]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Political science. International relationships]. 2009. #1. Pp. 230-236.
18. Rostova N.N. *CHelovek obratnoj perspektivy kak filosofsko-antropologicheskij tip (Issledovanie fenomena yurodstva)* [Person of reverse perspective as philosophical anthropological type (Investigation of fools for Crist's sake)]. In *Vestnik TGPU* [TSPU Bulletin]. 2007. #11. Pp. 105-107.
19. Rubinshtejn S.L. *CHelovek i mir* [Man and the world]. In S.L. Rubinshtejn. *Problemy obshchej psikhologii* [Problems of General Psychology]. Moscow, Pedagogika, 1976.
20. Rudnev V.P. *Vvedenie v analiz depressii* [Rudnev V.P. Introduction to Depression Analysis]. In *Logos* [Logos]. #5-6 2001 (31). Pp. 15-35.
21. SHabel'nikov V.K. *Problema sub"ektnosti v logike kul'turno-istoricheskogo podhoda* [Problem of subjectivity in the logic of cultural-historical approach]. In *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. 2018. Vol. 11. #57. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n57/1527-shabelnikov57.html> (date of last appeal: 19. 07. 2018).
22. Starobinski J. *L'encre de la mélancolie*. Paris, Editions du Seuil, 2012.
23. Vorobieva L.I. *Fenomen subjektnosti v kulturno-istoricheskoi perspektive* [Vorobieva L.I. The phenomenon of agency in the cultural and historical perspective]. In *Voprosy Psikhologii* [An Issues of Psychology]. 2010. #6. Pp. 3-13.
24. Vygotskiy L.S. *Psihologiya iskusstva* [Vygotsky L.S. Psychology of Art]. Moscow, Direkt-Media, 2014.